

Елена Прокофьева

КТО Я?

Автобиография совершенно незнакомого человека

18+

Елена Прокофьева

**Кто я? Автобиография
совершенно незнакомого человека**

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Прокофьева Е. Н.

Кто я? Автобиография совершенно незнакомого человека /
Е. Н. Прокофьева — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Эта книга жива. В ней Душа, не дыша, изливала себя как могла, не спеша...

© Прокофьева Е. Н., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	13
6	14
7	17
8	19
9	21
10	22
11	23
12	25
13	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Предисловие

Я пишу эту книгу потому что:
она стала моей навязчивой идеей и, другого способа избавиться от неё я не вижу,
мне нужно раз и навсегда попрощаться со своим прошлым,
мне нужно кое-что сказать тем людям, которых я любила и продолжаю любить, но сделать
это при личной встрече я не могу, потому что:

им это не нужно,

они боятся моих слов и своей реакции на них,

они забыли кто я такая,

да и просто потому, что у них свой Путь, и я никоим образом не хочу им мешать в дороге,
знаю, что многие люди просто не осмеливаются (а может и не задумываются о том, что это
возможно) изменить существующий ход событий, оправдывая своё бездействие якобы объек-
тивными обстоятельствами, которые от них ну никак не зависят,

хочу поделиться своими мыслями и поддержать тех, кто вопреки всему всё-таки решился
прислушаться к себе и пойти своим Путём, совершая свои ошибки и получая свой собственный
жизненный опыт, избавляясь тем самым от общепринятых убеждений,

просто хочу сказать огромное «СПАСИБО!» этому миру за уникальную возможность
жить, любить, дарить своё тепло и доброту тем, кто готов их принять; за то, что я просто
просыпаюсь каждое утро и понимаю, что чтобы со мной не произошло, я это приму и может
быть стану чуточку мудрее.

С любовью и искренностью,

Прокофьева Лена.

*Счастье, что птица, лишь вольным бывает,
К тебе лишь стремиться, с тобой лишь играет.
Ты дай ему просто лишь горсточку света,
Побольше улыбок и капельку лета.
И будет оно лишь к тебе возвращаться,
С тобой лишь дружить, обнимать, целоваться.*

1

Конец августа. Недавний дождь освежил дороги и городскую зелень, прибавив пыль и дав возможность подышать полной грудью. Обычный двор типичного жилмассива... хотя нет, не совсем обычный – чуть более зелёный, чуть более чистый, я бы даже сказала чуть более гостеприимный. Одноподъездная девятиэтажная свечка уютно расположилась в небольшой низинке. На двери домофон. Давно некрашенная, но целая лавочка стоит тут же. Около неё две девушки, из агентства недвижимости. Направляюсь напрямик к ним, время ровно 16:00, узнаю у них, что хозяйка опаздывает и, что эту квартиру будут показывать два агентства, но клиент второго пока не подошёл, поэтому первыми пойдём мы.

Через пару минут со стороны остановки к дому подошли две женщины – хозяйка квартиры Ольга, женщина лет сорока, и, по всей видимости, её мама.

Заходим в подъезд, вызываем лифт, поднимаемся на девятый этаж, направо, некрашенная металлическая дверь, за ней простая деревянная.

– Ну вот, проходите, смотрите, – сказала Ольга, обращаясь ко мне.

Ванна, туалет, сантехника – всё в приличном состоянии. На кухне холодильник, стол-тумба и два навесных шкафа ещё из той поры, когда они у всех были одинаковые, только цветом отличались – эти были голубые, древняя плита с двумя рабочими конфорками, такой же голубой стол из того же семейства и две табуретки на каких-то слишком тонких, а может быть слишком длинных ножках. Окно обычное, с маленькой форточкой. Широкий подоконник меня почему-то особенно порадовал.

В комнате диван и покосившаяся в разные стороны «стенка». Дверь на балкон, но последний в таком состоянии, что выходить туда я не собираюсь.

Прислушиваюсь к себе и давно позабытое чувство дома вдруг зашевелилось где-то в глубине – мне здесь хорошо, спокойно.

– Меня всё устраивает. Я её снимаю.

Итак, давайте знакомиться – меня зовут Прокофьева Лена, месяц назад мне исполнилось двадцать семь лет, моей дочери Маше – два с половиной года. Я намерена уйти от мужа, с которым прожила семь лет. Два месяца назад я уволилась по собственному желанию с работы, где проработала в общей сложности лет пять, и на ближайший месяц в моём распоряжении есть однокомнатная квартира, оплаченная женатым мужчиной, разменявшим пятый десяток, который якобы любит меня, и я отвечаю ему тем же.

Четвёртое сентября. Отведя Машу в детский сад и вернувшись домой, я упаковала свои и её вещи в коробки, перекладывая их из пакетов, которые остались не разобранными после нашего переезда в эту квартиру. С этим нехитрым занятием я справилась за несколько часов, после чего вещи были благополучно перевезены и сложены аккуратной кучей в нашем новом жилище.

Забрав Машу из садика, мы отправились с ней домой.

От садика до дома шесть остановок на троллейбусе, продуктовый магазин, детская площадка с неизменными качелями и горкой – обязательная программа выполнена, и Маша спокойно соглашается пойти домой, наводить порядок.

– Мама, а мы теперь тут жить будем?

– Да.

– А почему?

– Потому что там, где мы жили раньше, мне было плохо. А здесь хорошо.

– А папа где будет жить?

– Папа будет жить там же, где и сейчас. Там же, где мы ещё вчера с тобой жили.
– Аааа... ну ладно...

– Маша, одень, пожалуйста, тапочки, а то пол видишь какой грязный, я не успела его помыть.

– Угу, – сказала Маша и пошла в своих розовых носочках изучать новую территорию.

Сквозь тяжёлый сон до меня донёлся какой-то скрежет и грохот. Постепенно вытаскивая себя в реальность и приоткрыв глаза, я посмотрела на время – половина двенадцатого. Маша, свободно раскинувшись на диване, сопела, как ни в чём не бывало. Грохот замер где-то совсем рядом, а последовавший следом звук открывающихся дверей дал понять, что мы поселились рядом с шахтой лифта.

Взгляд скользнул по коробкам, задержался на невымытом полу и наткнулся на Машины брючки, в которых ей завтра предстояло идти в садик. Хочешь, не хочешь, а надо встать и постирать, потому как они одни и идти больше не в чем.

Постирав, я поняла, что не смогу уснуть в комнате с грязным полом – вымыла. Пока мыла, сон выветрился вовсе и немного отдохнувший организм с оптимизмом посмотрел на упакованный в картон быт. Коробка с ванными принадлежностями без сопротивления заняла своё почётное место на полу под умывальником. Коробка с немногочисленной кухонной утварью отправилась поближе к кухне. Необходимая одежда была разложена по полочкам.

Третий час ночи. Маша беспокойно завозилась на большом диване, я прилегла рядом и дала ей грудь. Мерно посасывая, она вернулась в свой сон, прихватив с собой и меня.

2

Вы помните своё детство? Какие чувства у вас возникают, когда свой внутренний взор вы обращаете в ту пору, когда были ребёнком? Какие моменты всплывают в памяти? За какие события может зацепиться память и унести вас в то далёкое время, когда вы должны были быть безмятежными, радостными, не обременёнными пустыми заботами и хлопотами?

Я честно пыталась ответить на эти вопросы. Пытаюсь на них ответить и по сей день, потому как ничего, ровным счётом ничего не могу вспомнить. Пытаясь заглянуть в те времена, я попадаю в пустоту, в какой-то серый туман. Пребывание в последнем ничем мне не грозит, но и совершенно ничем не радуется. Этакая безлика, безразличная ко всему Пустота.

Хотя в последнее время, напрягаясь изо всех сил, мне удаётся выудить какие-то обрывки, но они никогда не сложатся в картинку, их слишком мало и большинство из них – есть лишь оторванная Пустота.

... Я сплю. Не знаю, сколько мне лет, но думаю, что не больше шести. Что-то извне заставляет меня проснуться и приоткрыть глаза. Передо мной папино лицо, в глазах светится Любовь и Радость, моё сердечко вмиг согревается, и до сознания долетает мысль – папа вернулся (он куда-то уезжал, насколько и куда я не помню, да это и не важно – это единственный человек в нашей семье, который умеет разговаривать со мной без слов и который меня любит)...

... Темнота, только откуда-то сверху к нам пробивается яркий солнечный свет. Спрыгивая с последней обледеневшей ступеньки на земляной пол, я оказываюсь прямо около кадки с квашенной капустой. Папа достаёт из сумки кастрюлю, а из кастрюли – ложку, отодвигает в сторону крышку кадки и начинает накладывать капусту в приготовленную ёмкость, я стою рядом и жду той минуты, когда очередная ложка с капустой направится прямо ко мне в рот. Долго ждать не приходится, и я смачно начинаю пережевывать хрустящее лакомство. Навишись, я вылезая вверх. Немного погодя, вытаскивая из погребка всё, что было положено взять, на поверхности появляется отец. Мы снова навешиваем успевший замёрзнуть замок, я прыгаю сверху на мешок с картошкой, увязанный на санках, и мы отправляемся домой...

... Какая-то остановка, мы ждём автобус: я, папа и мама. Между нами с отцом завязывается какая-то игра. Я отбегаю на небольшое расстояние и начинаю строить рожи, а папа нарочито сердитым голосом что-то мне говорит, будто строжится, и вроде как норовит меня догнать – азарт налицо, как говорится. Чуть вдалеке слышен мамин голос: «Коля, перестань! Ваша игра до добра не доведёт! Лена, хватит! Успокойтесь сейчас же!». Мы дружно игнорируем этот столь привычный голосовой шум, но не проходит и минуты, как я падаю, ударяюсь и начинаю ныть. Папа расстраивается, а мама приговаривает: «Вот! Я же говорила, что до добра это не доведёт!». Я быстро успокаиваюсь, встаю в сторонку и больше никуда не рыпаюсь...

Мама... я очень хочу рассказать вам что-то тёплое и светлое об этом человеке, но врать я не умею, и память мне тут помочь ничем не может. Детей ведь не обманешь, и пустьшику от маминой груди с тёплым молоком любой малыши отличит, вот только не дано этому малышу логично и доступно объяснить взрослому человеку, как плохо ему от этих заменителей родительской Любви. И я не знаю, обвинять ли этого человека, что за всю свою жизнь она так и не задалась вопросом о смысле своей жизни, или принять это как должное и смириться с тем, что человеку проще накормить, обстирать, выгладить и вылизать наружность, чем попробовать заглянуть в себя и отыскать там, в бесконечных недрах своей спящей Души, немного тепла и нежности для своих близких.

Потом, когда я буду всеми возможными и доступными мне способами восполнять эту зияющую Пустоту, под названием Материнская Любовь, я осознаю, как велико её значение, как необходима она ребёнку, сколько времени можно потратить в её поисках и сколько ошибок можно совершить, но сейчас, когда я только знакомлюсь с этой жизнью, я могу лишь инстинктивно тянуться к более тёплому человеку, к моему отцу, а отчаяние и тоску выражать слезами.

3

– Мама, мамочка, не уходи, я пойду с тобой! Мамочка, я не хочу здесь оставаться! Я хочу домой, я хочу с тобой домой! Мамочка, не оставляй меня здесь, я хочу пойти с тобой домой!

– Чем дольше Вы здесь задержитесь, тем хуже сделаете себе и ей – пришли, быстро раздели и быстро ушли.

Непонятно как я собираю все оставшиеся силы, отцепляю Машины руки от себя и выбегаю из группы, захлопнув за собой дверь. По ту сторону не смолкает отчаянный плач моей дочери.

Я не знаю слов, способных описать моё состояние, слёзы застилают глаза, на ватных ногах я спускаюсь по лестнице на первый этаж, выхожу на улицу и сажусь на лавочку, не в силах отсюда уйти. Вот уже неделя, как Маша пошла в детский сад и каждое утро она, начиная плакать ещё дома, уговаривает меня не водить её в садик. Меня рвёт на части внутреннее противоречие: моя душа готова ворваться обратно в группу, собрать своего ребёнка в охапку и убежать от этого дошкольного учреждения куда подальше. Разум же, не переставая, твердит мне: «Так надо, так надо, так надо...». Кому надо? Зачем? И оставшимся здравым смыслом я понимаю, что если Маша не будет ходить в детский сад, я не смогу выйти на работу, а следовательно, у нас не будет денег не то, что на жильё, элементарно не на что будет покупать еду и необходимые вещи. К этому моменту жизнь уже научила меня тому, что можно надеяться только на свои силы и рассчитывать только на свои возможности.

Немного придя в себя, я поднимаюсь со скамейки и выхожу с территории садика. Троллейбус, шесть остановок, дом.

Ну что ж, младший научный сотрудник в отставке, как работу искать будем?

Пока не знаю, но что-нибудь придумаю. Снова одеваюсь, выхожу из дома и покупаю в киоске две газеты, предоставляющие перечень имеющихся вакансий. Периодичность выхода газет – два раза в неделю, неплохой шанс найти в свежем номере что-нибудь подходящее.

В штудировании газет, телефонных звонках, редких собеседованиях и Машиных слезах проходит месяц.

Мой Опекун (не знаю, почему я выбрала именно это слово для мужчины, оплачивавшего на тот момент мою квартиру, но оно, по-моему, очень удачно его характеризует) периодически осведомлялся, как у нас идут дела, время от времени привозил фрукты, иногда мы вместе ходили в магазин, и он оплачивал все мои покупки. Начавшиеся было поначалу разговоры о совместном проживании и счастливой семейной жизни мало помалу сходили на нет – он всё больше предпочитал отмалчиваться, а я лишний раз не напоминала. Его сексуальные желания были достаточно редки и неприятны – до утра он оставался всего пару раз.

Как человек, привыкший в своей жизни взваливать на себя как можно больше проблем, он в срок оплатил очередную сумму, подарив нам ещё один месяц спокойствия.

– Лена?

– Да.

– Добрый день. Мы хотели бы пригласить вас на собеседование.

– Хорошо.

– Завтра в половине одиннадцатого Вас устроит?

– Да. Вполне.

– Хорошо, тогда до встречи.

Звонок застал меня на детской площадке, мы с Машей совершали ежедневный ритуал под названием «Возвращение домой». В тот момент она, устроившись поудобнее прямо на песке

в местной песочнице, наблюдала за двумя взрослыми девочками, которые «готовили ужин». Видно было, что она с головой ушла в этот процесс и вытаскивать её сейчас оттуда совершенно бессмысленно, поэтому мне оставалось лишь сесть на лавочке неподалёку от этого священнодействия и отслеживать окружающую обстановку.

4

Пройдя недавно отстроенный жилмассив насквозь, я уткнулась в частный сектор. Судя по карте, место, назначенное для собеседования, находилось сразу же за этими ветхими домиками, разбросанными по склону. Жизнь полна контрастов и вот вам один из них: старушка в заношенной телогрейке, куцей юбке, потерявшей за долгие годы всякий внешний вид, валенках и в чем-то наподобие шапки тянула на разбитых санках две помятые фляги. Неподальку из земли торчала колонка. Водопровода, по всей видимости, у неё не было, да и уже не будет, потому как ветхая её лачуга скоро прекратит своё существование, уступая место очередной панельной коробке – благоустроенному многоквартирному дому.

Пройдя по дорожке из плит, предусмотрительно кем-то уложенных на случай непогоды и, как следствие, непролазной грязи, я вышла к новому гаражному комплексу, который, видно было, уже функционировал, но строительство ещё шло. По металлической лестнице, пристроенной в торце здания, я поднялась в офисное помещение и толкнула современную дверь.

– Доброе утро!

– Лена?!

– Да.

– Проходите, присаживайтесь. Одежду можно положить вон туда.

Бросив куртку на тумбочку, я села перед парнем, внешний вид которого сразу говорил о том, что передо мной менеджер среднего звена: снисходительный, но не лишённый доброжелательности взгляд, условно-приветливая улыбка, сдержанные манеры, ухоженный вид.

– Меня зовут Михаил, это Александр, а вон там – Андрей. Итак, у нас есть вакансия на должность офис-менеджера...

Типичный офис нелегальной конторы – ничего лишнего, только самое необходимое: четыре стола, четыре компьютера, стеллаж для документов, тумба, на которой сейчас лежала моя куртка, шкаф-пенал, в котором хранились банки из-под кофе, причём как с содержимым, так и без него, чай, сахар и прочая дребедень, необходимая в повседневной офисной жизни, и в уголке кулер с чистой водой.

– ... воды у нас нет, поэтому питьевую мы заказываем, а в умывальник привозим из колонки. Туалет на улице. Пообедать можно в соседней комнате, там есть стол и микроволновка. Вот такие условия.

– Хорошо. Я поняла. Принципиально меня всё устраивает.

– Отлично. Тогда на сегодня всё. В течение этой недели мы ещё будем рассматривать кандидатов, а, наверное, в пятницу определимся и перезвоним.

В пятницу, во второй половине дня мне перезвонили и сказали, что я принята на работу и в понедельник, в десять утра можно приступить к выполнению своих обязанностей. Я поблагодарила и попрощалась.

5

Длинный деревянный барак, поделенный тонкими перегородками на маленькие комнаты – посредине стол, слева от него плательный шкаф, две металлические кровати вдоль стен. Дверь распахнута, за дверью – солнечный летний день. Открыв глаза, вижу отца, он устроился на второй кровати и читает книгу. Мы с ним на базе отдыха, мне – девять лет.

И вновь память возвращает мне лишь какие-то обрывки: обильная зелень, свежий воздух, уютные дорожки, соединяющие жилые домишки со столовой и с открытой круглой танцплощадкой, по пути в столовую вырезанные из дерева мишки, точь-в-точь, как на обёртке от конфет «Мишка косолапый». Поход в лес за грибами, мальчик, с которым мы подружись, его собака, взрослый эрдельтерьер – его клички я, конечно же, не помню, но помню его добрые собачьи глаза и короткую мягкую выющую шерсть, семья мальчика – мама, папа и старшая улыбчивая сестра. Помню новое эмалированное ведро, которое мы с папой купили, чтобы посолить собранные грибы; не помню, посолили мы их или нет, не помню, чтобы мы их везли домой, да собственно и дорогу домой я не помню вовсе. Помню танцующего с кем-то в летнем сумраке отца, как он танцевал, сказать не могу, помню лишь, что танцевал.

*Где силы взять, чтоб вдруг весною собраться с духом и пойти?
Весной? А может быть зимою? И тут опять дела, звонки.
Куда идти и что там будет? Здесь всё привычно и тепло,
А что там дальше?
Будь, что будет! Пойду, пойду я всё равно!
Пойду туда, где непогода, где злые ветры, где пурга,
Где тьма незримая струится, туда, куда ведёт душа.
Она как тот маяк мне светит, она меня не подведёт.
Пускай лишусь всего на свете, но знаю, там нас счастье ждёт.
Оно сидит, согрев свой чайник, и напекло уж пироги,
А я всё здесь от скуки маюсь, от лени, грусти, от тоски.
И что мне ваше «жди, надейся»? Я не хочу, мне время жаль!
Пойду туда, а ты тут грейся, авось увидимся, прощай!*

6

Быстро освоив свои нехитрые обязанности и наведя порядок в компьютере и документах, я поняла, что мне нечем заняться в свободное время, оставшееся до конца рабочего дня, и поскольку весь мой день проходил на стуле перед компьютером, то последним я и воспользовалась в надежде занять себя чем-нибудь интересным. Полазив по Интернету и отыскав пару интересных книг, я поняла, что читать мне как-то не хочется и ткнула мышкой на ссылку «Знакомства».

Вы знакомы с сайтами знакомств? Готова поспорить, что если ваша деятельность хоть как-то связана с компьютером (а у кого она сейчас не связана? Есть такие?) и вам где-то от пятнадцати до пятидесяти пяти, то вы хоть раз туда заходили и примеряли на себя роль виртуального друга.

Вот так, совершенно случайно, как это обычно и бывает, я начала знакомиться с виртуальным миром любви, всеобъемлющей похоти и всестороннего удовлетворения скрытых человеческих потребностей. Сделав себе анкету и ознакомившись с нехитрым сервисом, я обнаружила, что пора сворачиваться и бежать в садик – рабочий день закончился.

Утром следующего дня я проснулась, как это обычно и бывает по выходным, от Машиного крика: «Мама, я покакала!». Надо вставать.

Приняв душ (Маша сидела тут же и складывала башню из кубиков), я вышла на кухню. Заварив чай и намазав маслом кусок черного хлеба, я села завтракать, Маша пристроилась у меня на коленках и начала высасывать свою порцию утреннего молока, а поскольку дома мы с ней ходили голые, то никаких препятствий у неё на пути не было.

Быстренько поев, мы собрались и вышли из дома: Машу ждала бабушка, а меня – свобода. Сегодня она останется ночевать у родителей.

Выйдя из родительской квартиры, я пешком направилась домой. Конец октября был достаточно ласков и прогулка любому, кто решил бы сегодня прогуляться, могла доставить удовольствие. Моё состояние сейчас напоминало лодку, качающуюся на волнах, весла которой брошены за ненадобностью на дно – я готова с удовольствием принять любое направление и любое течение. Абсолютно любое.

Дойдя до дома и раздевшись, я опустилась на пол, на кухне. С некоторых пор я очень люблю сидеть на полу, есть руками, сидя на полу, ходить по дому голой и неподвижно сидеть где-нибудь в уголке своей квартирке, слушая тишину. Хотя, наверное, я любила это всегда, просто сейчас у меня появилась возможность вести себя так, как я этого хочу, и делать то, что я хочу. Просидев так пару часов, я поняла, что теперь мне хочется побродить и, одевшись потеплее, я отправилась на свою очередную «бродилку».

Вы когда-нибудь бродили бесцельно по вечернему городу? Так, чтобы выходя из дома, вы понятия не имели, куда сейчас направитесь, и что будете делать? Просто идти в том направлении, в котором идут ваши ноги (поверьте, они лучше вас знают, куда надо идти, но вы ведь считаете себя умнее ваших ног, поэтому так часто приходите не туда. Не верите? Проверьте!)? У меня это стало одним из любимейших занятий.

Сегодня моей первой целью был книжный киоск, расположенный в переходе одной из ближайших станций метро, куда я пойду дальше, я понятия не имела. Дойдя через парк и

боковые улочки до моей цели, я остановилась, ожидая пока освободиться продавец. Боковым зрением я заметила парня – высокий, темноволосый, бежевая куртка, светло-коричневые вельветовые брюки и спортивные туфли на мягкой подошве – повернув голову, наши глаза встретились на долю секунды и тут же разошлись. Пока я рассчитывалась за книгу, он, закончив рассматривать что-то в витрине, двинулся по направлению к лестнице, ведущей к поездам метро. Взяв сдачу, я застыла на месте, осознавая происходящее – я захотела пойти за ним.

Тем временем он спустился по лестнице и бросил взгляд в мою сторону – этого было достаточно, чтобы принять решение.

Зайдя следом за ним в вагон метро, я встала неподалёку. Такого душевного подъёма я не испытывала уже давно, радость заполнила всю меня без остатка, и вдруг я поняла, что он знает, почему я здесь, что я чувствую и что будет дальше. Мы доехали до конечной станции. Выходя из вагона, я знала, что мне надо к нему подойти, но как же это было тяжело.

Он шёл впереди меня, но так медленно, что я ощущала его ожидание...

– Прости. Ведь ты просто так гуляешь, – меня била мелкая дрожь и, по-моему, я запинаясь.

– Ну... да. Можем погулять вместе.

– Хорошо.

И мы пошли. Когда меня, наконец, перестало трясти, я начала наблюдать за происходящим. Сумрак города, какое-то кафе, автобус, мы о чём-то разговаривали, я сразу поняла, что он знаком с тем, с чем я только начала соприкасаться – прозвучали слова «эзотерика», «одиночество», «медитация», в январе он собирался поехать в Индию. Я чувствовала себя бездарным учеником рядом с Учителем, но меня это нисколько не отпугивало, а, наоборот, притягивало.

– Скажи свой номер телефона, – спросил мой спутник после того, как мы сделали большой крюк по городу и подошли к метро, где встретились несколько часов назад.

Я назвала свой домашний номер.

– А твой? – Услышав простую комбинацию, я поняла, что не знаю, как его зовут. – А имя?

– Что? Аааа... Женя.

– Лена.

И мы попрощались.

Впоследствии мы ещё несколько раз встречались, гуляли по парку, однажды ходили в кино, после которого он спросил:

– Лена, тебе что-нибудь этот фильм дал (мы смотрели очередные приключения Джеймса Бонда)?

– Ничего, кроме возможности пару часов посидеть рядом с тобой, – улыбнувшись, ответила я.

– Значит, он должен был дать что-то мне.

Однажды, гуляя по парку, он задал вопрос:

– Лена, что ты ищешь? Ведь ты что-то ищешь, так ведь?

– Да, ишу. Что? Не знаю.

И я действительно не знала. Да и как я могла это знать тогда? Что знает слепой котёнок двух-трёх дней отроду? (А я именно так себя чувствовала.) Он просто жмётся поближе к теплоте и большому телу своей матери, тычется носом в её живот да исследует на своих подгибающихся неуверенных лапках ту картонную коробку, в которую их всех поместили, чтоб они не разбредались по комнате.

Что я ищу? Хотела бы я и сама это знать. Вполне возможно, что даже искать я ещё не начала, потому как глаза ещё не до конца открыты – я просто начала прислушиваться к себе, только и всего.

Потом я его ещё несколько раз встречала, но уже случайно столкнувшись где-нибудь на улице, встречаться мы как-то само собой перестали.

*Дороги, люди, города,
Мы все живём и дышим этим,
Но как различны души глаза,
Одни грустны, а те беспечны.
Ребёнок мимо прошагал,
В нём тяжесть лет уже сквозила,
А в ручках лишь ведёрко снега,
В глазах – отчаянье, тоска.
Как может он в его-то годы
(четыре где-то малышу)
Сказать отцу, что опыт многих
Пока не спит – кричит вовсю.
Кричит о том, что жизнь прекрасна,
О том, что радость есть во всём,
О том, что снег блестит, как в сказке,
О том, что двор важней, чем дом.
А что в ответ? «Не лезь, не трогай.
Пошли, давай скорей домой.
Ты что плетёшься? Я с работы!
Ты что не понял? Дуй за мной!».
И две слезинки, как росинки,
Упали тут же в талый снег,
И блеск в глазах пропал вдруг сразу,
И постарел тот Человек.
Тот Человек, кто видит больше,
Кто к счастью знает сто ключей,
Кому четыре года впрочем,
Но он отца куда мудрей.*

7

– Нет! Не может быть и речи! Четыре дня на поезде с детьми! Да о чём тут можно говорить?! В такую даль отправлять! А вдруг что-нибудь случится?! – из соседней комнаты слышен голос моей матери. Второй голос вторит ей, но до нас они долетают не чётко, потому как рыдания заглушают все звуки и вообще мешают смотреть на вещи «по-взрослому». Мы знаем одно – нам надо туда поехать! Мы хотим туда поехать! Мы очень хотим поехать в пионерский лагерь, расположенный в городе под названием Евпатория, что на Чёрном море.

Внутри никаких мыслей, никаких слов, только огромное, всеобъёмлющее разочарование, гигантское несоответствие желаемого нами приключения и той действительности, в которой нас его лишают. Собственное бессилие ещё больше расстраивает и рыдания с новой силой вырываются из двух детских душ. Нам около двенадцати. Фантазия, конечно, уже нарисовала бескрайний горизонт, ласковое море, белый песок, племя таких же, как мы дикарей, которые предоставлены сами себе... ну или почти предоставлены. Казалось, что отсутствие родительского ока дарует нам неслыханную радость, и всё возрастающее желание свободы рвалось наружу.

Сколько это продолжалось я не помню, но какой-то сдвиг произошёл и вскоре на горизонте появился мой бордовый чемодан со сломанной молнией и мне сказали, что я еду в лагерь.

Летние лагеря – это, пожалуй, единственные места, где я просыпалась и могла побыть такой, какой я и была на самом деле – весёлой, открытой, где-то дерзкой, но не бесосновательно и бесконечно счастливой. Вожатые, играющие на гитаре, ночные костры, зарницы – всё это было так захватывающе и манило с такой силой, что устоять, по крайней мере, я не могла. Я вертелась в этом потоке то, как заводная, то вдруг замирала и следила за собой со стороны, впитывая новые ощущения и вдыхая давно забытые ароматы свободы.

– Ура! Ура! Ура!!! – наперебой кричали дети, рассыпавшись по всему вагону и наблюдая, как перрон вместе с провожающими нас родителями тает вдали. Свобода!

В тот момент, я поняла, что я такая не одна, что ещё примерно тридцать человек точно так же, как и я радовались тому, что уезжают далеко-далеко от своих родных, туда, где они ни разу не были, туда, где нет знакомых, туда, где всё неизвестно.

Черноморское приключение было воистину незабываемым – чего стоил только один тающий во рту замороженный сок, наполняющий хрустящий вафельный рожок, а утренние вылазки на пляж, когда в прибрежной воде собиралось несметное количество маленьких прозрачных медуз, а возможность уйти из отряда под завистливые взгляды соплеменников, когда женщины, сопровождавшие нас в этой поездке, приходили с полными пакетами фруктов и уводили нас на соседний пляж, где мы купались сколько хотели и когда хотели.

И всего этого нас хотели лишить? За что? Почему? Что плохого мы сделали собственным родителям, что они готовы были пренебречь этим неописуемым восторгом, этим мороженым, которое продается только в том маленьком кафе на черноморском побережье, этим азартом, с которым мы искали на дне ракушки и, как дурные, шарахались от огромных оранжевых медуз, проплывавших время от времени совсем близко? Всё это вы готовы были променять на собственное спокойствие, когда ваш ребёнок тихонько сидит дома и смотрит, в который раз, один и тот же мультфильм? Почему? Вы можете ответить на этот вопрос?

Зима, декабрь на подходе,

*А с крыши талая вода.
Тепло души теперь не в моде,
А что взамен? Одна вода.
Вода чуть лживых обещаний,
Вода чуть скрашенных свиданий,
Вода пустых обид, прощаний,
Ненужных слез и расставаний.
А ведь могли бы удивляться, прощать,
Любить и распускаться,
Как маки на лесной поляне,
Как две росинки на тюльпане,
Как птицы две в сплошном тумане
Подняться ввысь над облаками
И там парить и ждать рассвета.
Но под снегами скрылось лето
И тот тюльпан и та поляна,
И ты ушёл...ну...до свиданья.*

8

«Привет!»

«Привет »

«Ты очаровательна!»

«Спасибо! »

«Теперь я понял, почему мне с утра не работалось – я искал тебя!»

«Да ну?!»...

Типичное начало типичного флирта, моя очередная переписка на сайте знакомств. Александр, 28 лет.

К тому времени я уже знала, что такое «аська», имела свой личный почтовый ящик, столкнулась с понятием «кунилингус» и выяснила для себя, что же это такое (раньше не слышала о нём ровным счётом ничего), повстречалась с несколькими вполне достойными представителями местного сайта знакомств. А также узнала, что после первого секса мужчина либо пропадает, либо начинает качать свои права и требовать тебя в своё единоличное пользование, причём по тому режиму, который определит он сам.

Также я догадывалась, что представители всевозможных сайтов знакомств непременно имеют какой-нибудь изъян – хорошо заметный или ловко спрятанный (что, по сути, не имеет значения), который мешает им строить свою личную жизнь в реальном мире, но это меня пока мало волновало, потому как я, наконец-то, получила возможность узнать мужчин в принципе и попытаться разобраться, что же это за существа (до замужества такого опыта у меня не было, да и о его необходимости мне никто лекции не читал).

Орфография у молодого человека хромала на обе ноги, что обычно убивает всё моё желание переписываться с ним дальше и поэтому, не дав ему слишком много времени на раздумья, я назначила встречу в тот же вечер в кафе, которое я проходила каждый день, идя с работы и на работу. Голос у молодого человека по телефону был чертовски привлекательным.

Зайдя в кафе, я обнаружила симпатичного, черноволосого парня, который ждал меня. Лицо не перекошено, видимых увечий не видно, разговаривает бодро, не заикается, руки, ноги – всё целое, вполне сносное, зубы белые, ровные, мысль свою выражает достаточно чётко и ясно – что ж, любопытный экземпляр.

Мы о чём-то мило болтали, он с большим интересом задавал вопросы и с не меньшим слушал мои ответы на них. Я, приплетая облегчённую версию восточных мудрецов о красоте и необходимости тотальной человеческой свободы, наблюдала всё возрастающий интерес в этих очаровательных карих глазах. Наговорившись и съев свой десерт (как сейчас помню из мелко нарезанных яблок и сладкой сметанной заливки), я пожелала отправиться домой, и он взялся проводить меня до остановки. Уверенно взяв мою руку и положив её на свою, он спокойно шёл рядом.

Уже подойдя к остановке, он заговорил:

– Иди ко мне, я хочу тебя поцеловать, – на горизонте показался мой троллейбус, я его к себе не приглашала, поэтому парень решил пойти на абордаж. Поцелуй был приятным.

– Я поеду с тобой.

– Тебя никто не приглашал, – промурлыкала я и запрыгнула в подошедший троллейбус.

Дальнейшая виртуальная переписка наглядно показала мне, что столь безобразное владение русским языком я переступить не могу и, отправив его к учебникам, как мне казалось, с ним попрощалась.

– Леночка, объясни мне, пожалуйста, что произошло? – не унимался он, и я объяснила, что он мало того, что пишет ужасно, так ещё и повзрослеть ему надо (я как-то туманно описала тот потенциал, который я в нём увидела, и то, что он так пренебрежительно с ним обращается, может говорить лишь о том, что он ещё мало чего понимает в этой жизни). В общем, я своего добила – он пропал с моего горизонта, но как оказалось впоследствии лишь на время.

А тем временем приближался Новый 2007 год, и я поняла, что его встреча должна пройти в какой-то особенной обстановке, потому как теперь я могу идти куда хочу и делать, что хочу, ни перед кем не отчитываясь. А ещё к тому времени я поняла, что когда делаешь что-то тебе не свойственное, то это обязательно повлечёт за собой некий новый опыт, свежие мысли и угол зрения, под которым каждый из нас рассматривает этот мир, обязательно изменится и позволит взглянуть на происходящее с какой-нибудь иной точки зрения.

9

– Тебя брат зовёт!

– Что??? – я сильно удивилась, потому как пятнадцать минут назад видела его в таком состоянии, что он не то, что говорить, он не мог подняться на ноги, чтобы спуститься с девятого этажа на восьмой и вернуться домой. Он был пьян.

Накинув поверх ночной сорочки халат, я вышла на лестничную площадку и начала подниматься по лестнице этажом выше вслед за лучшим другом моего брата, оставив у себя дома подругу и гостей. К нам на одну ночь приехал двоюродный брат, только что вернувшийся из армии, со своей девушкой.

Войдя в квартиру, я остановилась, потому как света нигде не было. Заперев дверь, мой провожатый толкнул меня в ближайшую комнату и, быстро стянув с себя штаны, остался в одних трусах.

Я оцепенела, до меня смутно доходил смысл происходящего. Через секунду я уже лежала на кровати, он был сверху, но между нами были мои ноги, оцепеневшие от ужаса, но действующие именно так, как мне было нужно. Мне было двенадцать, ему – девятнадцать.

Я не помню, сколько продолжалась эта борьба, помню, что дико орала, он пытался мне угрожать. Но смысл угроз до меня не долетал, он бил меня куда придётся. В тот момент я ничего не слышала, не думала, не ощущала, я просто сопротивлялась изо всех своих сил внешнему насилию. Один раз мне удалось добежать до двери, но открыть её я не успела и снова оказалась в тёмной комнате. Дальше я помню только какие-то фрагменты: вот в комнате появился мой двоюродный брат, вот меня куда-то повели, какие-то люди на лестничной площадке. Как я в тот день уснула и сколько спала, не помню. На следующий день меня куда-то увели из дома, вечером с дачи должны были вернуться родители. Ещё отчетливо помню, каким чёрным было моё ухо – таких синяков я ещё не видела.

Вечером эта история стала известна родителям: реакции мамы я не помню, а отец, сматерившись, бросился вон из квартиры. Я не знаю, добрался он до цели или нет.

С братом, появившимся к вечеру, состоялась беседа, смысла которой я не уловила. Днём он помогал другу ставить на место вышибленную дверь. А для меня так и осталось загадкой, понимал ли он, что произошло или нет.

Уже на следующий день виновник случившегося оказался у нас дома – зашёл за братом, мама пригласила его войти и о чём-то спрашивала, а я тем временем пыталась спрятаться в собственной квартире, даже не пытаясь вникнуть в абсурдность происходящего.

10

- Подожди!
- Что?
- Вот возьми, это повестка в суд, я подал заявление на развод, вот копия. Здесь нужно расписаться и принести это с собой. Назначено на пятнадцатое января.
- Хорошо.
- Мы стояли на остановке. Муж привёз Машу и я, как обычно, вышла её встретить.
- Что касается алиментов, давай просто договоримся, я буду, как и сейчас, каждый месяц давать тебе какую-то сумму, и ничего официально оформлять ты не будешь.
- Хорошо.
- А что ты решила с квартирой?
- Что с квартирой?... Всё остаётся так, как и было изначально, я уйду, квартира остаётся тебе.
- Хорошо. Тогда лучше на суде не упоминать о том, что мы её вообще покупали.
- Ладно. Не буду.
- И мы разошлись.

*Я вижу чужое мужское лицо,
Я вижу луну за окошком,
Сажу и не верю, что ты далеко,
Что ходишь один по дорожкам.
Нет, ты не один. Я с тобою всегда,
И если увидеть захочешь,
Прикрой лишь глаза,
И взметнётся душа туда,
Где луна за окошком.
Где можно молчать и лететь в никуда,
Пусть ветер безумный, пусть тучи,
Но рядом плечо и твоя там рука,
Спокойствие, сила... так в путь же!*

11

Каменный лев замер на входе, лестница приглашает спуститься вниз, за дверью – пространство, рождённое и до сих пор пребывающее в гармонии. Спокойный красный цвет мягко покрывает стены, плавно переходя на обивку диванов и стульев, растекается по столу и устремляется вверх, заканчивая своё рождение в длинных свечах. Аккуратно сервированные столы, изящные светильники, заполняющие все мягким светом, под стойкой бара – аквариум с живой рыбой. Тихая, спокойная мелодия, вырвавшись из какой-то восточной сказки, легко стелется, окутывая своими умиротворяющими звуками всё пространство.

– Лучше сначала определиться со спиртным, а потом заказывать уже всё остальное, – произнесла очаровательная девушка, усадив нас за ближайший свободный столик одного из лучших ресторанов города (по моему сугубо личному мнению, конечно же). Мы с подругой определяли меню нашей новогодней ночи. Поскольку ресторан был китайский, то нам пришлось прибегнуть к помощи и, прислушиваясь к советам администратора, мы заказали себе новогодний ужин.

Выйдя на улицу, мы невольно остановились – на улице шёл снег. Он валил хлопьями, украшая собой город, освещённый фонарями и огнями машин. Настроение было великолепным, мы предвкушали предстоящее мероприятие и были уверены, что оно будет волшебным.

Тридцать первое декабря. Проснувшись утром и отведя Машу к бабушке, я вернулась домой, чтобы дошить свою новогоднюю юбку. Как всегда, уйдя с головой в любимое занятие, я забыла про время и, вдруг посмотрев на часы, поняла, что уже восемь часов вечера, через час должна подъехать машина и увезти нас туда, где горят свечи, играет музыка, люди улыбаются и веселятся.

Приняв душ и наскоро высушив волосы, я собралась как раз вовремя – в домофон позвонили, сняв трубку, я открыла дверь.

Сев в машину, мы поехали забирать мою подругу, за рулём был Саша, всё ещё исполняющий обязанности Опекуна. Сделав крюк и посадив в машину ещё одну очаровательную женщину, этот безотказный человек доставил нас в ресторан.

Скинув свой пуховик, я отправилась переобуваться, но, не успев сделать и пары шагов, я услышала, как Таня объявляет, что она забыла дома босоножки. Предложив ей встречать Год Свиньи босиком и получив ожидаемый ответ, я взялась за телефон. Тойота, не успев далеко уехать, вернулась за нами.

Минут через сорок мы уже сидели за своим столиком – переобутые и счастливые.

Поскольку это был мой первый опыт проведения новогодней ночи вне дома, я наблюдала за происходящим широко открытыми глазами и впитывала в себя эти звуки, запахи и улыбки с нескрываемым удовольствием. Несмотря на то, что в моей личной жизни шёл процесс активного познания мужской половины населения, это мероприятия я никак не связывала с возможностью познакомиться – я просто хотела повеселиться и встретить грядущий год в атмосфере настоящего праздника и веселья.

Тем временем, миновала знаменательная полночь и народ, расслабившись за своими столиками, начал принимать активное участие в происходящем.

Наши места были специально выбраны рядом с танцполом и, выйдя на него первыми (за что нам подарили бутылку вина), мы уходили с него только тогда, когда нужно было уступить место для очередного номера новогодней программы.

Часа в три ночи милая ведущая, сообщив об окончании праздничной программы, пожелала всем счастливого нового года и объявила танцевальный нон-стоп.

Ритмы, следуя один за другим, не давали остановиться и тело, почувствовав свободу, утверждало в танце свою красоту и позволяло отключить сознание. Мне ужасно захотелось пить, и я присела за свой столик. Вдруг динамика вечера сменилась красивой медленной композицией и, повернув голову, я увидела мужчину. Высокий, стройный, с интересными чертами лица, на вид лет тридцать пять. Он стоял неподалёку, оперевшись о деревянные перила. Недолго думая (или вернее сказать, совсем не думая), я встала со своего места и пригласила его танцевать.

– Ты пахнешь Новым годом...

Слова доходили до меня постепенно. Я вдруг почувствовала, что растворяюсь в этих руках. В тот момент я готова была исчезнуть и не возвращаться, лишь бы эти руки всё также обнимали меня, а этот голос шептал мне какую-нибудь чепуху.

– Как тебя зовут?

– Лена.

– А я Дима.

Мелодия закончилась, я заставила себя убрать руки с его плеч. Он улыбался.

Немного погодя, поняв, что танцевать уже не могу, я присела на диванчик. Он опустился рядом и обнял меня за плечи. Я переживала, пожалуй, лучшие минуты в своей жизни.

– Когда мы открывали этот ресторан, здешние повара даже утку по-пекински нормально приготовить не могли. Вот мы с ними намучились. Зато теперь здесь настоящая китайская кухня и отличный шеф-повар...

Я слушала его и понимала, что вот тут, рядом со мной сидит человек, который смог в один миг сделать так, что я, забыв всё, что было до него, и не думая о том, что будет, после того, как он уйдёт, чувствовала себя абсолютно счастливой, любимой и любящей одновременно. От него исходила Сила. Та Сила, которая отличает истинного Человека от подобных ему. Я ощущала это, я знала это.

Проведя ещё какое-то время в ресторане, но уже практически не вставая с дивана, я заметила, что стрелки часов показывают шесть утра – нужно было собираться домой.

– Скажи мне свой номер телефона... – он снова оказался рядом – ...у меня есть дача недалеко от города. Летом я там живу, а зимой иногда выезжаю отдохнуть. Там здорово. Если хочешь, могу как-нибудь взять тебя.

Я назвала номер, и он отошёл к стойке, продолжая дружескую беседу с администратором ресторана.

Выйдя на улицу, мы сразу же сели в такси и разъехались по домам.

На следующий день, сквозь сон, я услышала, что прилетело сообщение. Поднявшись и взяв в руки телефон, я прочитала: «Привет, Лена! Это мой номер телефона. Если будет желание встретиться, пиши. Дмитрий».

12

Оставшиеся пять школьных лет прошли незаметно. Незаметно для самой себя я просыпалась, что-то ела, что-то собирала в сумку, кому-то звонила, выходила из дома, шла одной и той же дорогой в школу, не придавая особого значения и, наверно, даже не замечая, светит ли солнце, замерзают ли руки, хорошо ли я выгляжу, идёт ли кто-то со мной рядом. Приходя в школу, я садилась на своё место, слыша одни и те же вопросы и выдавая одни и те же ответы, особо не задумываясь над их смыслом.

Сам учебный процесс, казалось бы, проходил мимо меня. Имея от природы отличную память, повышенную любознательность и увлечённость, на уроках я редко выныривала из того состояния, в котором пребывала постоянно, мною владело равнодушие к происходящему.

Я видела, что учительница математики заинтересована в успехах лишь избранных ею же учеников и, не скрывая этого, она пренебрегала всеми остальными, даже не пытаясь разобрататься в том, что мешает двоечнику без труда освоить такой по-настоящему интересный предмет, как математика.

На уроках истории мы больше слышали о тяготах жизни самой учительницы и гораздо меньше о том, что происходило в мире в разные времена.

Физика, химия, биология – я не видела смысла в их изучении, мне было не интересно вникать в то, что выдавалось нам стандартными фразами, скучными понятиями и то и дело прерывалось либо шушуканьем за какой-нибудь партой, либо очередным замечанием преподавателя о некорректном поведении одного из учеников (почему-то вдруг представилось, как меня сегодняшнюю посадили за школьную парту и начали талдычить какую-то заумную чушь... как бы я себя повела? Думаю, что я бы тут же поднялась и направилась бы вон из класса и мне было бы всё равно, чем это закончится – отчислением, лишением аттестата, конфликтом со всеми учителями и, автоматически, с родителями. Я бы чётко понимала, что мне это не нужно! И не надо говорить, что у меня растёт ребёнок, которого рано или поздно я вынуждена буду отдать в школу! Нет, милые мои, она туда не пойдёт, если не захочет, и я предоставлю ей такую возможность. Я помогу ей найти путь к тем знаниям, которые будут ей интересны и которые помогут ей реализовать то, что с лихвой уже в ней заложено. Вот так то!)

Пожалуй, из всего этого бессмысленного калейдоскопа, называемого обязательная школьная программа, я выделяла для себя лишь уроки литературы (не считая, конечно, математики, которую я всё-таки любила и понимала, несмотря ни на что). Книги вообще стали для меня неким спасением от той реальности, в которой я вынуждена была находиться (кстати, мой папа тоже постоянно что-то читает, не знаю, какая часть из того, что он прочёл за свою жизнь, нашла отклик в его необразованной, как следует, личности, но его страсть к чтению является несомненной, и любовь к книгам вызывает в моей душе уважение. И неужели его восемь классов образования, на которых он остановился в своей жизни, имеют меньшее значение, чем высшее образование моей мамы, после которого у неё остался красный диплом?).

Ах, да... литература... как-то нам задали написать эссе. И я написала о том, что проснувшись как-то утром, я обнаружила, что проспала урок литературы (здесь надо заметить, что наша учительница по русскому языку имела привычку контролировать посещаемость и частенько проверяла, пришёл ли ученик после пропущенного с утра урока литературы или его не было весь день. И если он всё-таки в этот день появлялся в школе, то на него накладывалась некая печать крайне недобросовестного и безответственного человека). Перебирая в голове возможные варианты своих дальнейших действий, я незаметно подошла к окну, а за окном выпал снег – первый, пушистый, белый снег покрывал дома и дороги и это

явление так раздвинуло границы моего восприятия (писала я тогда, конечно, другими словами, сейчас лишь вкратце я пытаюсь передать смысл написанного), что мне стало абсолютно всё равно, что я проспала, что сейчас пойду в школу и нарвусь на очередную неприятность и что эти мелочи обязательно растворятся, если я не буду обращать на них внимания. Тогда я получила 5/5, то есть 5 за идею и 5 за исполнение. Такая отметка была лишь однажды.

Здесь же хочу привести одну историю, которую некогда приводил Ошо на своих многочисленных встречах. Вот она:

ШКОЛА ЗВЕРЕЙ¹

Однажды звери в лесу собрались и решили открыть школу. Среди них были кролик, птица, белка, рыба и угорь, и они сформировали совет директоров. Кролик настаивал, чтобы в программу занятий вошёл бег. Птица настаивала, чтобы в программу занятий вошло летание. Рыба настаивала, чтобы в программу входило плавание, а белка говорила, что абсолютно необходимо внести вертикальное лазание по деревьям. Они объединили все эти вещи и составили расписание занятий. Потом они стали настаивать, чтобы все животные изучали все предметы.

Хотя кролик и получал пятёрки по бегу, с перпендикулярным лазанием по деревьям у него были трудности. Он постоянно падал на спину. Довольно скоро он получил какое-то повреждение мозгов и бегать больше не мог. Оказалось, что вместо пятёрки по бегу, он получает тройку, а по перпендикулярному лазанию, конечно, всегда единицу. Птица очень хорошо летала, но когда ей пришлось рыть норы в земле, она не могла делать этого хорошо. Она постоянно ломала клюв и крылья. Очень скоро она стала получать тройки по летанию, единицы по норокопанию и испытывала адские трудности в перпендикулярном лазании.

В конце концов, первым по успеваемости животным в классе оказался умственно отсталый угорь, который делал всё наполовину. Но учредители были довольны, потому что каждый изучал все предметы, и это называлось «широким общим образованием».

¹ Ошо. Интуиция. Знание за пределами логики. – СПб.: ИГ «Весь», 2006. – 192с. ISBN 5-9573-0165-5

13

– Может пельмени?

– Не-е-ет, с тобой пельмени есть не буду, – ответила я, проходя мимо очередной полки гипермаркета, в который мы заехали с Димой по пути на дачу. Было тринадцатое января, канун Старого Нового года.

Вы когда-нибудь искали свой продукт? Для меня с некоторых пор это стало интересной затеей. Сначала вы чувствуете лёгкий голод, которым организм Вам показывает, что скоро он захочет чего-нибудь поесть, потом следует вежливо поинтересоваться у него (у своего организма, конечно же): «А чего тебе собственно хочется?» и, как это обычно бывает, не найдя ничего подходящего на домашней кухне (просто потому, что там уже давно нет никаких запасов, приобретаемых впрок), вам приходится собираться и идти в магазин. А вот там начинается самое интересное – вы медленно ходите вдоль многочисленных прилавков и мысленно пробуете всё то, что попадаете вам на глаза. Поначалу этот процесс затягивается, потому как организм, обалдевший от такого внимания, просто краснеет от смущения и, стыдливо прерываясь, замолкает на полуслове. Со временем, он привыкает к тому, что его начали спрашивать и интересоваться его мнением, и вот тогда он расправляет плечи и с гордо поднятой головой начинает давать вам очень чёткие и вместе с тем очень ценные указания. И вы с удивлением начинаете понимать, что то, что раньше покупалось и потреблялось с большим удовольствием, сейчас становится вам ненужным, и вы проходите мимо некогда любимых продуктов. Так было и со мной и эта возникшая из ниоткуда игра в приятельские отношения со своим организмом постепенно переросла в глубокое уважение и принятие всех его законов без исключения.

И теперь уже я, когда мне нестерпимо захочется чего-нибудь, робко спрашиваю у него: «Дорогой, а можно я себе куплю чего-нибудь сладенького?» и слушаю его ответ: «Конечно, милая, зачем спрашиваешь? Я думаю, что тебе очень понравится вот этот горький шоколад в красивой упаковке» и взгляд сам собой выделяет самую дорогую шоколадку, стоящую в ряду многих, подобных ей.

Немного погуляв по магазину, мы всё-таки нашли себе то, что устроило нас обоих.

На улице шёл снег, он валил пышными хлопьями, создавая одновременно праздничное настроение и неблагоприятные условия на дороге. Выехав за город, мы оказались на дороге, с двух сторон которой высились огромные ели. Они росли сплошной стеной и создавали собой коридор, который не имел ответвлений и боковых путей, а струился всё прямо и прямо, лишь изредка делая красивые изгибы. В машине играла музыка, время от времени Дима бросал в мою сторону взгляд, который наполнял мою душу теплом и лишал слов.

Вдалеке показались два огонька, они медленно ползли и наша машина уверенно к ним приближалась. Это оказался трактор, он чистил дорогу, ведущую в садовое общество, куда направлялись и мы. Следуя за ним, мы поняли, что без его помощи сюда бы мы не попали. Свернув через некоторое время в сторону, серебристая «Нива», оставляя за собой две глубокие колеи, подъехала к воротам. Мы вышли из машины и направились к маленькому домику.

Открыв обычную деревянную дверь, мы оказались на веранде, которая в летнее время выполняла функции кухни и ванны (в торце была устроена вполне цивилизованная душевая). Здесь же была ещё одна дверь, гораздо более внушительная на вид, за которой оказалась жилая комната. Войдя в неё, первое, что попало мне на глаза, это печка, рядом с которой были аккуратно сложены дрова. Через пять минут в ней уже весело прыгало пламя.

– Через час будет тепло. Подождёшь меня немного, я машину загоню, – сказал Дима и вышел на улицу.

Сняв лишь сапоги и шапку и натянув на ноги какие-то безразмерные тапочки, я решила осмотреться. Сразу у входа, чуть левее, примостилась раковина с умывальником, тут же стояла печка, сразу за ней, двуспальная кровать, застеленная покрывалом, около неё довольно большой журнальный столик, который, по всей видимости, служил и обеденным, потому как на нём стоял чайник, несколько пачек чая, какие-то сладости и несколько чашек. Мой взгляд, медленно шагая по комнатному периметру, уткнулся в комод, стоящий в углу и книжную полку, висевшую над ним, и вот тут я уже не могла не подойти.

Не могу вам внятно объяснить почему, но оказываясь в какой-то новой для себя обстановке или в гостях у очередного знакомого, я сразу же нахожу то место, где человек хранит свои книги, если таковые у него, конечно, имеются. И, бегло изучив увиденную коллекцию, я могу многое узнать и о человеке, который её собрал.

Первой книгой, попавшейся мне на глаза, оказалась книга Василия Шукшина, название я сейчас не помню, но именно тогда точно такая же лежала у меня дома, я её попросила у кого-то из знакомых, но почему-то так и не прочитав, позже вернула. Очередная волна прошла по моему телу пока я держала её в руках – я понимала, что здесь и сейчас происходит что-то такое, чего со мной ещё никогда не происходило. Положив на место книгу, я взглянула на остальные обложки – почти все они были посвящены строительству и имели техническую направленность.

Рядом с комодом стояло два стула, на которых была аккуратно сложена какая-то одежда, а дальше в углу стоял большой стол, на котором громоздился телевизор.

Вернувшись к печке, я присела рядом и стала наблюдать за пламенем. Несмотря на то, что дверца была открыта полностью, дым в комнату не попадал, а это могло говорить только о том, что печка была сложена профессионалом.

Подложив дров, я полностью ушла в созерцание этого процесса и моя душа, расположившись рядом со мной, таяла и нежилась в этих ласковых отсветах огня.

Дверь распахнулась и, впустив с собой мороз, в комнату вошёл Дима, неся в руках наши покупки. Замёрзший домик быстро согревался, сняв верхнюю одежду, мы разложили на столе продукты и уселись ужинать, часы показывали половину двенадцатого.

По телевизору шёл какой-то очередной концерт.

– Подожди-ка, я матрас включу, а то мы ночью с тобой околеем.

На кровати, под простыней был расстелен тонкий матрас с электроподогревом.

Закончив ужинать, он убрал грязные тарелки и принялся чистить мандарины, отламывая от каждого половину и передавая её мне.

Немного погодя, растянувшись на кровати, он проверил, греет ли это чудо техники и, оставшись довольным, привлек меня к себе. Отвернувшись от света лампы и болтающего телевизора, я приютилась у него под боком, наслаждаясь такой удивительной близостью и теплотой всего происходящего.

Через пару минут телевизор перестал привлекать его внимание, и оно перешло ко мне. Ещё через некоторое время он был выключен вовсе вместе со светом, а с меня начала пропадать одежда.

Очутившись в темноте, которую разбавлял лишь молочный блеск снега за окном, под лёгким одеялом, рядом с этим красивым мужчиной, я как будто куда-то нырнула и произвольно стала покрывать его тело поцелуями. Сначала лицо, потом шею, плечи, грудь... я отдавалась этому процессу с таким наслаждением, что все мысли, быстренько собрав свои вещички,

вышли за дверь и оставили меня в покое, видя мою полную невменяемость. Опустившись чуть ниже, я стала нежно целовать его член, но, несмотря на все мои старания, он оставался безразличен ко мне, и лишь Димин голос адекватно реагировал на происходящее.

– В другое время я бы, наверное, уже дымился, – ласково сказал он и, притянув меня к себе, поцеловал.

– Спи. Тебе нужно отдохнуть.

– А ты подождёшь?

– Конечно.

Расслабившись и закрыв глаза, он начал засыпать, а я медленно гладила пальцы его руки, лежавшей неподалёку.

– У тебя очень нежные руки...

Я промолчала, он уснул.

Немного полежав, я не заметно для себя тоже погрузилась в сон.

Сквозь сон, я ощутила какое-то движение, чьи-то руки гладили меня, а губы настойчиво целовали лицо.

– Леночка, я хочу тебя...

Не просыпаясь окончательно, я отдалась этому человеку, распахнув объятия, сердце и душу разом. Все было обычно и вместе с тем абсолютно не обычно. Я не чувствовала той степени возбуждения, которая может привести к женскому оргазму, но вместе с тем я понимала, что оно мне сейчас не нужно, это было бы слишком. Отдаваясь, я наполняла себя таким глубоким и нежным теплом, что желать чего-то ещё просто не приходило в голову.

Через некоторое время, обняв меня и прижав покрепче, этот мужчина уже снова спал, а я лежала в этой звенящей тишине и пыталась осознать и получше запомнить это чувство, когда душа парит где-то чуть выше изнеженного тела, а сердце, вмиг наполнившись радостью, ликует и возносит свою молитву туда, откуда оно только что получило благословение.

Часы показывали половину шестого утра, начало светать и, прикрыв глаза, я сладко уснула.

Проснувшись и позавтракав, мой спутник отправился чистить снег, а я осталась в постели читать Шукшина, лопаю оставшиеся мандарины. Через час нужно было возвращаться домой и забирать Машу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.